

БИОГРАФИЯ А. Н. ОСТРОВСКОГО

Только однажды на страницах этой книги* мелькнет имя Михаила Булгакова, но и без этого упоминания ясно, что автор «Жизни господина де Мольера» послужил биографу драматурга Островского вдохновляющим примером и образцом. Дело не только в том, что, как и у М. Булгакова, книга открывается своеобразным «Прологом», главкой «Перед занавесом». Гораздо важнее творческая установка на союз документа и воображения. «Любая биография, — пишет В. Лакшин, — реконструкция погасшей жизни. Приходится соединять мостками воображения сохранившиеся свидетельства, уцелевшие факты, перепрыгивать догадкой через неизвестное». И далее: «Прямое дело биографа — понять связь событий и дат, великого и малого, литературного и человеческого в крупной судьбе. И тогда за ворохом фактов и пеленой гипотез встанет перед нами не иконописный лик — живое, умное, лукавое, страдающее лицо драматурга».

Верность этой установке постоянно ощутима в книге. Вот как, например, начинает автор рассказ о первой постановке в Москве в бенефис Любови Павловны Никулиной - Косицкой комедии «Не в свои сани не садись», состоявшейся 14 января 1853 года: «Хочу вообразить себе этот театральный вечер — внешне обычный, но начавший новое летосчисление для русской сцены...» Или когда повествование доходит до премьеры «Грозы» 16 ноября 1859 года с Косицкой в роли Катерины: «...Вечером после премьеры исполнители собрались поужинать в Московском трактире... Пили, разумеется, здоровье автора. Но ни его самого, ни Косицкой не упоминает мемуарист среди участников этой встречи. Почему их не оказалось здесь в этот вечер?»

Строгий биограф не имеет права на догадку, но воображение романиста нашло бы, воз-

можно, верный ответ». И вслед за тем несколько страниц этой подлинно документально-художественной биографии отводится драматической истории несчастной любви Островского к Л. П. Косицкой, которая, как очевидно из ее писем, «золотой порой жизни помнила время, когда она сыграла Катерину в «Грозе», и человек, которым она так восхищалась, который все это создал, так возвышенно и жарко любил ее». Любил, мучаясь одновременно и безответным чувством, и сознанием своей вины перед кроткой, самоотверженной Агафьей Ивановной — первой его, «гражданской», женой.

Этот эпизод характерен для объективного взгляда и тона автора, стремящегося постичь «самое трудное искусство — видеть предмет в его натуральности, каков он есть», не обходя «острых углов», будь то сфера интимных, семейных отношений (как в данном случае) или сложные взаимоотношения двух художников — Островского и Михайла Семеновича Щепкина, о которых в книге сказано так: «Ничто не может отнять у них проверенной временем народной славы. Но, воскрешая их жизнь и судьбу, не будем слепо и робко, в религиозной боязни разрушить святыни, замазывать то, что их разделяло в их времена».

И все же в центре биографии Островского, как она раскрыта В. Лакшиным, стоят не личные переживания и взаимоотношения драматурга, а его творчество. «Более, чем кто-либо, Островский имел право сказать: вся моя биография — в моих пьесах». И, значит, в неустанной, титанической борьбе с тупоумием и косностью театрального начальства и царской цензуры, в борьбе за подлинно народный театр, за самобытность и реализм на русской сцене. В борьбе, принесшей Островскому столько горя и счастья, верных друзей-единомышленников (Аполлон Григорьев, Пров Садовский, Некрасов и весь круг «Современника» и — позднее — «Отечест-

венных записок») и заклятых врагов, сознание исполненного долга и расшатанное до времени здоровье, а в конечном итоге — бессмертную славу.

Биография — не критико-биографический очерк, но в предельно лаконичных, сжатых характеристиках пьес Островского В. Лакшин умеет выявить их двойную «современность» — органическую связь с тогдашней социальной действительностью и непреходящую, общечеловеческую суть. «Гроза в пьесе многолика — не только образ душевного переворота, но и страха: наказания, греха, родительского авторитета, людского суда... Гроза в пьесе живет со всей натуральностью природного дива: движется тяжелыми облаками, сгущается недвижной духотой, разражается громом и молнией, освежающим дождем — и со всем этим в лад идет состояние подавленности, минуты ужаса, принудительного раскаяния и потом трагическое освобождение, облегчение в душе Катерины». Это лишь одна из многих, живых и глубоких, картин — размышлений, которые выписаны умелой рукой критика-литератора и доносят до читателя не только «идею» драмы, но саму атмосферу разыгрывающегося как бы на наших глазах сценического действия.

Заслуженно большое место в биографии Островского занимает Кострома и, конечно, Щелыково. «В центре литературной губернии Островского — город Бряхимов, упоминаемый в нескольких его пьесах. Говорят, ния городу Островский нашел в русской истории — был такой пришедший потом в упадок город на Волге, неподалеку от Васильсурска. Но сам Бряхимов больше напоминает Кострому: в этом городе пристань и вокзал железной дороги, бульвар над рекой с низкой чугунной решеткой, у которой застыла Лариса Огудалова, кофейня в конце бульвара, отель «Париж» на центральной, улице города и трактир при нем, куда сминает Робинзона Вожеватов. Есть в Бряхимове и

летний сад, в котором играет нанятая местным антрепренером труппа; он возникает перед нами в «Талантах и поклонниках» и «Красавце-мужичке».

В бряхимовской губернии, чуть выше или ниже по Волге, расположен и уездный городок Калинов, напоминающий Кинешму... А в пяти верстах от Калинова (см. указатель на дорожном столбе в пьесе «Лес», точно такой же вел с Галичского тракта к усадьбе Щелыково) — имение «Пеньки» господи Гурмыжской или усадьба Мурзавецкой: барский дом с террасой, куртины георгинов, парк с прудом, бескрайние леса вокруг».

Благодаря такой конкретности и наглядности изложения реальный и театральный мир Островского выступают в своей неразрывности, дополняя, обогащая и поясняя друг друга. Поэтому столь весомо и зримо звучат завершающие книгу строки: «Островский жил трудно, много бедствовал, самоотверженно работал, тайно страдал. Но жизнь прожил, будто создал ее — по верности простым идеалам, родной природе, искренним чувствам, добрым людям и главному счастью и муке своей жизни — театру».

Среди многочисленных главок книги есть одна, названная «Похвальное слово критике». В ней сполна отдана дань лучшим истолкователям Островского — Добролюбову и Ап. Григорьеву, которые «в чем-то важно не только враждуют, но и дополняют друг друга», и потому оба нужны нам «не только как случайные спутники в биографии Островского, но как люди, помогающие и через сто лет понять природу его искусства». Книга В. Лакшина находится в русле этой плодотворной традиции и тоже заслуживает «похвального слова».

М. НОЛЬМАН,
и. о. профессора Костромского пединститута
им. Н. А. Некрасова.